

УДК 82
ББК 83.3(3/8)

М.И. Бабкина, В.С. Рабинович

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИУТОПИЧЕСКОГО МИРА РОМАНА О. ХАКСЛИ «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР» (1932) В РОМАНЕ М. УЭЛЬБЕКА «ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧАСТИЦЫ» (1998): ОБРАЗЕЦ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается интертекстуальное взаимодействие между романом М. Уэльбека «Элементарные частицы» и романом О. Хаксли «О дивный новый мир». В работе рассматриваются как прямые обращения в романе Уэльбека к роману Хаксли «О дивный новый мир» и к фигуре Хаксли в целом как культурному символу, так и более сложные, не столь явные смысловые, мотивные, образные корреляции между двумя романами.

Ключевые слова: трансформация, интертекстуальность, антиутопия, «вставной» текст, модель будущего.

M.I. Babkina, V.S. Rabinovitch

THE TRANSFORMATION OF THE ANTI-UTOPIAN WORLD OF THE NOVEL “BRAVE NEW WORLD” BY ALDOUS HUXLEY (1932) IN THE NOVEL “ELEMENTARY PARTICLES” BY M. HOUELLEBECQ (1998): A SAMPLE OF INTERTEXTUAL INTERACTION

The article analyzes the intertextual interactions between Michel Houellebecq's novel “The Elementary Particles” and Aldous Huxley's novel “Brave New World”. The article treats both the direct appeals in Houellebecq's novel to Huxley's “Brave New World” together with Huxley's figure in general as a cultural symbol and also the more complicated, not so evident correlations between the novels at the levels of sense, motives, images, etc.

Key words: transformation, intertextuality, anti-utopia, the “inserted” text, the model of the future.

Своеобразным «героем» романа М. Уэльбека «Элементарные частицы» (1998) является антиутопический роман Хаксли «О дивный новый мир» (1932) – по крайней мере, многие смыслы в романе Уэльбека заданы диалогом с романом Хаксли.

По существу роман «Элементарные частицы» может быть рассмотрен как сознательная авторская трансформация известного антиутопического романа Олдоса Хаксли – «О дивный новый мир»,

к которому М. Уэльбек делает прямые и неоднократные отсылки. Так, во второй части романа М. Уэльбека «Элементарные частицы» обсуждение философских смыслов антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» ведут между собой два главных героя М. Уэльбека – Брюно Клеман и Мишель Джерзински. Брюно отмечает, что обычно изображенный в романе Хаксли мир «объявляют тоталитарным кошмаром, пытаясь выдать эту книгу за разоблачение; это просто чи-

стейшее лицемерие» [3, с. 188]. На самом деле, продолжает он, «"О дивный новый мир" рисует нам рай, в точности такой, достичь которого мы пытаемся, пока что безуспешно» [3, с. 188].

Как утверждает уэльбековский Брюно Клеман, заслуга О. Хаксли в том, что «он первым из писателей, включая сюда и научных фантастов, понял, что, не считая физики, главным двигателем <...> теперь станет биология» [3, с. 189]. В романе М. Уэльбека «Элементарные частицы» революция, действительно, совершается «не в умах, а в генах» [3, с. 377] – посредством достижений естественных наук, – как это, собственно, происходит и в антиутопической реальности написанного задолго до «Элементарных частиц» романа «О дивный новый мир» Хаксли. Уэльбековский Брюно напрямую говорит об этом, рассуждая о романе Хаксли и изображенном в нем антиутопическом мире: «Как подумаешь, что эта книга была написана в 1932-м, – просто невероятно. С тех пор западное общество непрестанно стремилось приблизиться к этому образцу» [3, с. 187]. Он говорит также о «чрезвычайной точности предсказаний, сделанных Олдосом Хаксли в "О дивном новом мире"» [3, с. 187]: «ему присуще <...> интуитивное прозрение, что эволюция людских сообществ <...> будет направляться научным и технологическим прогрессом» [3, с. 189]. И рефлегирует по поводу того самого «образца» «дивного нового мира» Хаксли: «В мире, описанном Хаксли, в шестьдесят лет человек все так же активен, имеет ту же наружность, те же самые желания, что двадцатилетний. Потом, когда он более не способен противостоять старости, его ждет добровольное исчезновение посредством эвтаназии» [3, с. 188]. В словах того же Брюно упоминается и работа старшего брата О. Хаксли, известного биолога Джулиана Хаксли – «То, что я смею думать», из которой, по мнению героя «Элементарных частиц» Брюно Клемана, О. Хаксли заимствует идеи для своего романа «О дивный новый мир».

Наряду с отсылками непосредственно к антиутопии «О дивный новый мир» присутствуют в романе Уэльбека и отсыл-

ки к личности и творчеству Хаксли в целом – к некоему собирательному Хаксли как культурному символу.

Так, достаточно обширный пассаж уэльбековского романа, частично процитированный выше, представляют собой рассуждения все того же Брюно о Хаксли в целом, в некотором смысле – не растворенный в художественном целом романа «вставной» текст эссеистического характера [3, с. 187–194]. Примечательна и, очевидно, не случайна схожесть этого «вставного» текста с многочисленными «вставными» текстами в романах самого Хаксли, нерастворенность которых в общем художественном целом обращала на себя внимание многих исследователей. (Так, Д. Дейчес пишет в этой связи: «Мы можем заметить, как часто он заставляет своих героев писать длинные дневники или автобиографические документы или заставляет их произносить длинные философские монологи» [1, с. 209]). И в «Элементарных частицах» именно Хаксли удостоился такого «философского монолога», создающего некоторую стилистическую схожесть «Элементарных частиц» с романами Хаксли. В рамках этого изредка прерываемого и вновь возобновляющегося монолога, наряду с содержанием антиутопии Хаксли «О дивный новый мир», последний рассматривается и в контексте художественного несовершенства его романов (вплоть до – «Олдос Хаксли, вне всякого сомнения, плохой писатель, его фразы тяжеловесны и лишены изящества, его персонажи невыразительны и ходульные» [3, с. 189]), и в контексте его роли в качестве «идеального вдохновителя большей части экспериментов хиппи» [3, с. 191], и даже в контексте корреляций между его антиутопическим романом «О дивный новый мир» (1932) – и его поздним утопическим романом «Остров» (1962): «Если приглядеться, гармоничное общество, изображенное в «Острове», имеет много общего с тем, что описано в романе «О дивный новый мир». На деле сам Хаксли <...>, похоже, не осознавал этого сходства, однако общество, что представлено в «Острове», так же близко «О дивному новому миру», как анархиче-

ское сообщество хиппи сродни обществу буржуазного либерализма или, скорее, его шведскому социал-демократическому варианту» [3, с. 191–192]. (Примечательно, что именно корреляциям между утопическим «Островом» – и антиутопией «О дивный новый мир» посвящена статья одного из авторов данной работы – см. [2, с. 183–190]).

Также в романе смоделирован образ «живого» О. Хаксли, каким он был уже на склоне своих лет, – герои романа удастаиваются короткой аудиенции с ним.

Парадоксальным образом «живой» Хаксли выведен в сцене этой аудиенции подчеркнута несимпатичным: «отупевшим от наркотиков» [3, с. 98], равнодушным к людям, «к тому же его не покидало ощущение, что он всего лишь посредственный комедиант: и как это он мог заморочить целый свет» [3, с. 98]. Очевидно, подобный образ «живого» Хаксли в его предсмертные годы или даже месяцы выстроен на контрасте с «смыслопорождающим» Хаксли, на основе диалога с которым во многом и построен роман Уэльбека.

Впрочем, непосредственные отсылки к Хаксли в романе Уэльбека представляют интерес, прежде всего, как маркеры преднамеренности апелляции Уэльбека к известному роману Хаксли в качестве культурного образца и к Хаксли в целом в качестве культурного символа, и через призму этой преднамеренности может далее рассматриваться интертекстуальный диалог двух романов в целом.

Итак, эволюция фантастического мира в «Элементарных частицах» происходила в определенном, предзаданном образцом «дивного нового мира» направлении, и затем эта эволюция обернулась вытеснением человечества созданными в лаборатории «сверхлюдьми». А именно, в художественном мире романа М. Уэльбека на смену современному человечеству посредством достижений микробиологии приходят однополюе существа (женского пола), являющие собой недостижимое для человечества совершенство: не ведающие человеческих порывов, не знающие страдания в человеческом понимании, способные бесконечно

воспроизводить свой генетический код и бесконечно возрождаться, не зная самого факта смерти и страха перед ней, – чем не вариант «дивного нового мира» уже по Уэльбеку?

Две модели будущего – О. Хаксли и М. Уэльбека – сходятся в своем отношении к науке, которая и там и здесь почитается как нечто сверхчеловечески значимое, как фактор разрушения прежнего, «несчастливого» мира и создания нового, «счастливого» мира будущего.

В романе «О дивный новый мир» Хаксли наука занимает очень важное место, являясь основой существования «дивного нового мира». Впрочем, декларация величия науки сопровождается оговорками: главноуправитель Мустафа Монд объясняет, почему науке, которая занимает столь важное место в «дивном новом мире», все же не позволяется развиваться так активно, как в прежние, «старые» времена: «Тогда, видимо, воображали, что науке можно позволить развиваться бесконечно и невзирая ни на что. Знание считалось верховным благом, истина – высшей ценностью; все остальное – второстепенным, подчиненным. <...> Война-то заставила запеть по-другому. Какой смысл в истине, красоте или познании, когда кругом лопаются сибирезвенные бомбы? <...> С тех пор мы науку держим в шорах. Конечно, истина от этого страдает. Но счастье процветает» [4, с. 251–252]. Соответственно, «...вся наша наука – нечто вроде поваренной книги, <...> и к перечню кулинарных рецептов нельзя ничего добавлять иначе, как по особому разрешению главного повара» [4, с. 248].

В фантастическом мире «Элементарных частиц», который пришел, в конце концов, к вытеснению человечества существами, созданными с помощью манипуляций с генетическим кодом (здесь – явная параллель с «пробирочным» производством людей в «дивном новом мире» Хаксли), науке тоже придается особое значение. В уэльбековском мире представители управленческой элиты «не могли верить ничему, кроме науки, наука была для них единственным и неопровержимым критерием истинности» [3, с. 377].

Наука в художественном мире «Элементарных частиц» так же, как и в романе «О дивный новый мир», становится источником и основой для создания нового «сверхчеловечески» счастливого мира. Так, идеологической опорой, в результате которой стало возможным создание бессмертных существ, вытеснивших своих создателей, была вера общества в то, что «разрешение всех проблем – включая психологические, социальные и, в более общем смысле слова, человеческие – лежит в сфере технической мысли» [3, с. 377]. На этой почве один из героев «Элементарных частиц», Хюбчяк, сумел популяризировать идеи и научную теорию Мишеля Джерзински, на основе которых «в 2013 году он провозгласил свой знаменитый девиз, которому было суждено воистину стать началом переворота в общественном мнении, планетарного по своим масштабам: ПЕРЕМЕНА СОВЕРШИТСЯ НЕ В УМАХ, А В ГЕНАХ» [3, с. 377].

В то же время, в фантастическом мире «Элементарных частиц», как и в антиутопическом пространстве романа «О дивный новый мир», также придется платить определенную цену за обретенное общемировое счастье, и в эту цену входит преднамеренное ограничение науки (как и искусства, – впрочем, в «дивном новом мире» искусство в принципе отсутствует, – его подобие свелось к «ощущальным» фильмам): «погоня за Истиной и Красотой, не подстегиваемая, как раньше, кнутом личного тщеславия, в сущности, уже не носит столь животрепещущего характера» [3, с. 379]. Как и в романе «О дивный новый мир», у Уэльбека наука, которая сыграла ключевую роль в формировании утопического мира, затем утрачивает свою роль. Новые ценности «совершенного» мироустройства делают ненужными не только научный поиск («Истина»), но и произведения искусства («Красота»).

Для романа О. Хаксли «О дивный новый мир» характерна более глубокая проработка некоторых сущностных вопросов – по сравнению с «Элементарными частицами» М. Уэльбека, где эти вопросы тоже присутствуют, но не полу-

чают интерпретационной завершенности. Кроме того, Хаксли четко обозначает свою авторскую позицию, отчетливо выявляя критическое отношение к изображаемому им «счастливому» миру и тем тенденциям, которые сделали этот мир возможным. Уэльбек же, скорее, не развенчивает созданный им фантастический мир, авторская оценка в романе Уэльбека четко не «вычитывается». Ясно одно: в «построенном» уэльбековском мире, в отличие от антиутопического мира Хаксли, счастье – без кавычек, и ответ на вопрос, как относиться к этому счастью, предоставляется самому читателю.

В романе «О дивный новый мир» Дикарь, выросший в «индейской» резервации и решительно не приемлющий искусственное счастье новой цивилизации, возражает: «Искусством пожертвовали, наукой, – немалую вы цену заплатили за ваше счастье» [4, с. 253]. На что Верховный Контролер дает следующий ответ: «А даром ничто не дается. За счастье приходится платить. (...) Так что, разумеется, когда властью завладевали массы, верховной ценностью становилось всегда счастье, а не истина с красотой» [4, с. 252]. И он же: «Но истина грозна; наука опасна для общества» [4, с. 250].

Что представляет собой искомое – и найденное – счастье в том и другом фантастическом мире? «По человеческим меркам, мы живем счастливо, – констатируется в «Элементарных частицах» новыми «сверхлюдьми», – мы и вправду укротили силы, непобедимые в глазах людей: эгоизм, гнев, жестокость» [3, с. 379]. Иными словами, «сверхлюди» Уэльбека, подобно обитателям «дивного нового мира» Хаксли, условием счастья и равновесия мира ставят отсутствие сильных эмоций. В романе Хаксли условия, которые делают возможным отсутствие таких эмоций, описаны подробнее, чем у Уэльбека: «...конфликтов долга не возникает; люди так сформованы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам дается простор, что, по сути, не приходится противиться соблазнам» [4, с. 262]. Далее

в «дивном новом мире» Хаксли существует государственный наркотик сома, которая «остудит ваш гнев, примирит с врагами, даст вам терпение и кротость» [4, с. 262]. У Уэльбека же отсутствие «разрушительных» эмоций выступает как данность, неотъемлемое и, можно сказать, биологическое свойство новых существ, не требующее каких-либо внешних поддерживающих факторов.

Если в фантастическом мире Уэльбека людей и не выращивают в пробирках, как в «дивном новом мире» Хаксли, тем не менее, искусственное воспроизводство людей здесь присутствует – как в научно обоснованных планах, разработанных Джерзински, так и тогда, когда эти планы стремительно приближаются к воплощению, – и воплощаются, дав жизнь новым существам (в частности, это существа только одного, женского пола), которые благодаря своим биологическим особенностям, оказались способны создать общество, свободное от неблагополучия и противоречий прежнего человечества. В счастливом будущем «Элементарных частиц» воспроизводство людей должно происходить путем клонирования – и даровать «клонированным» особям фактическое бессмертие.

В «дивном новом мире» Хаксли бессмертия нет, но экзистенциальная проблема старения и угасания человека решена. Счастливые обитатели «дивного нового мира» вечно молоды благодаря хорошо налаженной системе жизнеобеспечения, а затем – «своевременной» радостной и безболезненной смерти: под действием всё того же государственного наркотика сомы, которая, в другое время – источник наслаждения, начинает приниматься во все больших дозах при появлении первых симптомов старости или болезни и становится источником легкой смерти в блаженном забытии.

Хотя в «дивном новом мире» Хаксли и нет бессмертия, но убыль населения – как естественная, так и вызванная всевозможными катастрофами, может быстро и безболезненно восполняться путем «индустриального» воспроизводства людей в инкубаториях любых масштабов: «Знали бы вы, какой сверхурочной

работой обернулось для меня последнее японское землетрясение!» [4, с. 16–17] – говорит один из сотрудников такой лаборатории.

«Промежуточный» мир в «Элементарных частицах», который затем трансформировался в утопический мир «сверхлюдей», также имеет немало общего с антиутопическим «дивным новым миром» Хаксли – в качестве своеобразной «эволюционной ступени» на пути к такому миру (напомним, что «промежуточное» состояние описано в «Элементарных частицах» более подробно в сравнении с «итоговым», в отличие от романа «О дивный новый мир», где описан антиутопический мир в его «итоговом» состоянии, а отдельные моменты предыстории бегло упомянуты).

При этом, в отличие от полностью рукотворного «дивного нового мира» по Хаксли, фантастический мир Уэльбека не создается искусственно, «сверху». Он, скорее, вырастает из общих умонастроений и стиля жизни подавляющего большинства людей – как если бы «дивный новый мир» Хаксли лишился организующих его Верховных Контролеров и счастливые его обитатели начали стихийно жить в соответствии с усвоенными ими жизненными стандартами. Воплощенные в жизнь стихийно, не имея под собой научного и государственного основания «дивного нового мира» Хаксли, эти особенности вместо всеобщего счастья «дивного нового мира» (каким бы оно ни было) преумножают человеческие страдания и ведут человечество к деградации, если не к полному вымиранию.

Если в «дивном новом мире» Хаксли уничтожены понятия отцовства и материнства, то в уэльбековской Западной Европе второй половины XX века, по сути, прослеживается стремление к тому же самому, но на ином уровне и в иных формах. Институт родительства пока не отменен. Поскольку «промежуточное» состояние мира в романе Уэльбека – еще не в фантастическом будущем, зачатие и рождение детей здесь еще происходят традиционно – без инкубаториев и пробирочного производства. Более того, государство пока еще не способно, как в «дивном

новом мире», официально освободить родителей от скучных и тягостных (с их точки зрения) родительских обязанностей, полностью взять на себя заботу о воспитании детей. А те, кто поневоле стал родителями, нести пока еще возлагаемые на них тяготы родительства не могут и не хотят. Их дети с рождения обречены на деградацию. Детство они проводят где угодно – только бы подальше от родителей: к примеру, в интернате, где, как Брюно Клеман, подвергаются издевательствам со стороны сверстников.

Понимание проблемы отцов и детей у Брюно, утрачивающего родственную связь уже со своим собственным сыном, сходно с пониманием той же проблемы его матерью Жанин, бросившей своих детей: «Ребенок – это ловушка, которая захлопывается, враг, которого ты обязан содержать и который тебя переживет» [3, с. 203], – такой вывод делает Брюно. «Нормально, чтобы родители приносили себя в жертву, – также говорит он, – это естественный путь. А я не мог примириться с тем, что моя молодость подошла к концу; перенести мысль, что мой сын будет расти, станет юношей вместо меня, что, может быть, ему его жизнь удастся, тогда как я свою загубил» [3, с. 225].

В «дивном новом мире» О. Хаксли, где человечество воспроизводит себя искусственным путем, в пробирках, этот процесс обрел свое закономерное завершение – понятия «отец» и «мать», «родной дом» не только вышли из употребления как анахронизмы, но и стали табуированными; в описании О. Хаксли отвращение обитателей «дивного нового мира» к атавизму прошлого в виде «родного дома» даже выглядит несколько гротескно: «А в духовном смысле родной дом был так же мерзок и грязен, как в физическом. Психологически это была мусорная яма, кроличья нора, жарко нагретая взаимным трением стиснутых в ней жизней, смердящая душевными переживаниями» [4, с. 46]. Взгляд на материнство как на «кошмар из прошлого» в романе Хаксли «О дивный новый мир» вполне коррелирует с мирообразом большинства героев «Элементарных частиц» М. Уэльбека: «Как помешанная, тряслась

мать над своими детьми (своими! родными!) – ни дать ни взять как кошка над котятами, но кошка, умеющая говорить, умеющая повторять без усталости: «Моя детка, моя крохотка» [4, с. 46].

Сближение фантастического мира из «Элементарных частиц» М. Уэльбека с «дивным новым миром» О. Хаксли происходит и на почве культа молодости, присутствующего обоим мирам, а также патологической неприязни к симптомам старости и физического увядания, непризнания права человека на полноценность и даже на жизнь при утрате им физического совершенства молодости. Так, обитатели «дивного нового мира» не способны даже смотреть без отвращения на подурневшую Линду, которая волею случая была на двадцать лет изъята из отлаженной системы жизни в «дивном новом мире» и провела эти годы в резервации для «дикарей». Когда Линда все же приближается к юной обительнице «дивного нового мира» Ленайне, последняя испытывает настоящий шок: «И вдруг существо это бросилось к ней с распахнутыми объятиями и – господи Форде! как противно, вот-вот стошнит – прижало <...> и стало целовать» [4, с. 134].

Уэльбековский мир также ненавидит старость и связывает жизнь исключительно с молодостью, здоровьем и физической привлекательностью. Отличие от «дивного нового мира» Хаксли здесь состоит в том, что ненавидящее старость и физическую непривлекательность общество в «Элементарных частицах» М. Уэльбека – не только не счастливое, как «дивный новый мир» Хаксли, а глубоко и бесповоротно несчастное. Оно несчастно именно в своем стремлении достичь счастья по модели неведомого, но интуитивно прозреваемого «дивного нового мира». И чем сильнее это стремление, тем несчастнее каждый человек в отдельности. Самоубийства утративших молодость и красоту обитателей фантастического мира М. Уэльбека вызывают ассоциации с «неосознанным самоубийством» с помощью государственного наркотика сомы начинающих стареть обитателей «дивного нового мира» Хаксли. Только у Уэльбека эти самоубийства осо-

знанные и отнюдь не безболезненные. Все главные герои романа, – в том числе, и первооткрыватель новой структуры ДНК, которая сделала возможным пере-рождение человечества, микробиолог Мишель Джерзински, – кончают жизнь самоубийством.

Уэльбековский фантастический мир создает культ молодости и счастья – и, однако, «никогда, ни в одну эпоху, ни в одной цивилизации никто так долго, так постоянно не думал о своем возрасте; сейчас в уме каждого ясна простая перспектива будущего: придет час, когда сумма физических радостей, которые ему уготованы в жизни, станет меньше, чем сумма ожидающих его страданий» [3, с. 299]. Отсюда вытекает заключение: «Сегодня суицид людей в возрасте, ставший отнюдь не редким явлением, чем дальше, тем больше представляется нам поступком вполне логичным. <...> Ничто, включая самое смерть, не ужасает их так, как жизнь в ослабевшем теле» [3, с. 299–300].

Даже герой «Элементарных частиц» с наиболее сложной эмоциональной жизнью, Брюно Клеман, не может остаться с любимой им Кристианой, когда болезнь приковывает ее к инвалидному креслу. Такой выбор в фантастическом мире «Элементарных частиц» – единственно возможен, иной – просто невыносим... Кристиана поняла это раньше, чем сам Брюно: «Ты не обязан. У тебя не так много времени, чтобы жить; ты не обязан провести это время, нянчась с калекой» [3, с. 299]. Кристиана через несколько дней покончила с собой, пустив свое инвалидное кресло вниз по лестничному пролету.

И для антиутопического мира Хаксли, и для фантастического мира Уэльбека характерно универсальное упро-

щение – эмоций, поведения, мышления. При этом, если в «дивном новом мире» все же случаются исключения из правил, есть люди (по крайней мере, из числа привилегированных «альф»), которые почему-либо опережают по уровню своего самосознания остальных и им открывается примитивность мира, в котором они живут, то в «построенном» фантастическом мире «Элементарных частиц» нет даже намека на нечто подобное.

Итак, налицо целый ряд корреляций между художественными мирами «Элементарных частиц» М. Уэльбека и антиутопического романа О. Хаксли «О дивный новый мир». Анализ художественного мира, созданного М. Уэльбеком в контексте диалога с О. Хаксли, подтверждает, что М. Уэльбек переносит в созданный им фантастический мир сущностные черты антиутопического «дивного нового мира» О. Хаксли. Эти черты характерны как для построенного в художественном мире романа Уэльбека фантастического мира, населенного «сверхлюдьми», так и для «промежуточного» мира, который в «Элементарных частицах» М. Уэльбека предшествует возникновению мира «сверхлюдей». «Промежуточный» мир «Элементарных частиц», по сути, представляет собой «дивный новый мир», лишенный организующих его Верховных Контролеров: как если бы его обитатели уже жили в соответствии с нормами и ценностями «дивного нового мира», но были предоставлены сами себе.

Так или иначе, но «Элементарные частицы» М. Уэльбека можно рассматривать как преднамеренную и осознанную трансформацию романа Хаксли «О дивный новый мир» – отчасти полемическую, но в значительно большей степени – дополняющую.

Библиографический список

1. Daiches, D. The Novel and the Modern World: [Text] / D. Daiches. – Chicago: The University of Chicago, 1947. – 230 p.
2. Rabinovitch, Valery. «The Critical Dialogue between “Brave New World” and “Island” [Text] // “Aldous Huxley Annual”. 9(2009). – P. 183–190.
3. Уэльбек, М. Элементарные частицы [Text]: роман / Мишель Уэльбек; пер. с фр. И. Васюченко, Г. Зингера. – СПб., 2014. – 384 с.
4. Хаксли, Олдос. О дивный новый мир [Text]: роман / Олдос Хаксли; пер. с англ. О. Сороки. – М., 2013. – 284 с.

References

1. Daiches D. *The Novel and the Modern World*. Chicago: The University of Chicago, 1947. P. 230. [in English].
2. Rabinovitch Valery. "The Critical Dialogue between "Brave New World" and "Island". *"Aldous Huxley Annual"*. 9 (2009). P. 183–190. [in English].
3. Houellebecq Michel. "The Elementary Particles" / Michel Houellebecq. Spb., 2014. P. 384. [in Russian].
4. Huxley Aldous. *"Brave New World"*. Moskva, 2013. P.284. [in Russian].

Сведения об авторах:

Бабкина Мария Игоревна,
магистрант, кафедра зарубежной литературы,
Институт гуманитарных наук и искусств,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург.

Рабинович Валерий Самуилович,
доктор филологических наук, профессор,
кафедра зарубежной литературы,
Институт гуманитарных наук и искусств,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург.
E-mail: mar-babkina@yandex.ru

Information about the authors:

Babkina Mariya Igorevna,
Master's student, The Department of Foreign
Literature, The Institute of the Humanities
and Art Ural Federal University
Yekaterinburg.

Rabinovitch Valery Samuilovitch,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
The Department of Foreign Literature,
The Institute of the Humanities
and Art Ural Federal University,
Yekaterinburg.
E-mail: mar-babkina@yandex.ru

УДК 4Р-3
ББК 81.411.2-33

У.У. Габитова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ Л. УЛИЦКОЙ «ДЕТСТВО–49»)

В статье рассматриваются фразеологизмы семантических категорий времени и пространства, функционирующие в сборнике рассказов Л. Улицкой «Детство–49». Представлена их первичная семантическая типология. Выявлены функциональные особенности употребления фразеологических единиц в данном тексте.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая картина мира, время, пространство.

U.U. Gabitova

PHRASEOLOGICAL DATABASE OF SEMANTIC CATEGORIES OF TIME AND SPACE IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE STORYBOOK "CHILDHOOD–49" BY L. ULITSKAYA)

In article the phraseological units of semantic categories of time and space functioning in the collection of stories of L. Ulitskaya «The Childhood–49». Their primary semantic typology is presented. Functional features of the use of phraseological units in this text are revealed.

Key words: phraseological unit, linguistic picture of the world, time, space.